

Глава 20. Несбыточные мечты

— Цзинь Лань, зайдём в дом. Там и поговорим, — Е Кайлян навис над женщиной, пытаясь задавить её тяжёлым, властным взглядом.

Цзинь Лань сидела прямо на земле. Косметика на её лице превратилась в грязное месиво из слёз, пота и дорожной пыли. Она небрежно утёрла лицо рукавом, и в её глазах вспыхнула такая яростная ненависть, словно она была готова заживо сожрать каждого из присутствующих.

— Будем говорить здесь! — прохрипела она сорванным голосом. — Это ваша семейка Е виновата передо мной! Что, испугались? Бойтесь, что люди увидят ваше истинное нутро?!

Кровь бросилась Е Кайляну в голову. Он непроизвольно сжал в руках палку, едва сдерживая желание ударить строптивую невестку, но остатки благоразумия взяли верх. Он обвёл взглядом толпу, надеясь, что старший сын поможет затащить скандалистку в дом, но наткнулся лишь на море любопытных лиц с горящими азартом глазами. От этого зрелища у старика закружилась голова.

Поспешно отвернувшись, он рявкнул:

— Четвёртый! Посмотри, что ты натворил!

Ли Сынян, не сдержавшись, смачно плюнула в сторону Цзинь Лань. Она смотрела на невестку как на заклятого врага — так, словно это Цзинь Лань совершила нечто непростительное, а не её собственный сын завёл интрижку на стороне.

Цзинь Лань лишь холодно усмехнулась:

— Послушайте, свёкор, нечего тут пустые проклятия выкрикивать. Если сегодня мы не решим это дело миром, я так просто не отступлюсь!

Её уверенность питала мысль об отце-туншэне. В этой деревне статус учёного был её главной опорой.

Е Ишу, наблюдавший за сценой со стороны, мысленно заплодировал. «А тётушка-то не промах! Крепкий орешек».

Однако слова Цзинь Лань заставили Е Кайляна колебаться. Зато Ли Сынян окончательно вышла из себя:

— Ах ты, дрянь! Смеешь руку поднимать на моего сына?! Мужа не уважаешь, свёкров не

почитаешь, только и знаешь, что лодырничать да жрать в три горла! Да любой судья позволит моему сыну вышвырнуть тебя из дома с позорным листом о разводе!

Цзинь Лань процедила сквозь зубы:

— Старая карга, твой сын первый завёл себе потаскуху!

— Ну и что, что завёл?! — Е Чжэнсун выскочил вперёд, с нескрываемым отвращением глядя на жену. — Какой мужчина в этом подлунном мире не имеет женщины на стороне?!

Он обернулся и с преувеличенной нежностью помог любовнице подняться. Он смотрел на неё как на величайшее сокровище, и эта сцена отозвалась в сердце Цзинь Лань острой, как игла, болью. Ведь когда-то он точно так же смотрел и на неё.

А «потаскуха» тем временем бросила на Цзинь Лань мимолётный взгляд, полный торжества.

Цзинь Лань опустила глаза. У неё был Цзиньбао, был сын. Если семья Е сегодня не даст ей достойного ответа, они больше и кончика носа своего внука не увидят.

— Цзинь Лань, раз уж ты всё узнала, скрываться нет смысла, — подал голос Е Чжэнсун. — Всё просто: я забираю У-нян в наш дом.

Женщина, хрупкая и беззащитная, прильнула к руке Четвёртого дяди. Услышав его слова, она едва заметно изменилась в лице.

Е Ишу, подметивший эту деталь, шепнул отцу:

— Пап, если он притащит её в дом, покоя нам не видать.

Е Чжэнкунь так же тихо ответил:

— Посмотрим, что дед решит. Я тут не властен.

— Тебе бы, папа, проявить твёрдость, — вздохнул Ишу.

Е Чжэнкунь почесал за ухом, явно не понимая, к чему клонит сын:

— Проявить что?..

— Ладно, забудь. Смотрим дальше.

Е Кайлян чувствовал, как косые взгляды соседей жгут ему лицо. Он попытался было пройти в дом, но Цзинь Лань преградила путь, твёрдо решив довести дело до конца при свидетелях.

Видя это, Е Чжэнсун стиснул зубы и, схватив любовницу за руку, рухнул перед отцом на колени:

— Отец! Я искренне люблю У-нян! К тому же... к тому же она носит моего сына!

Е Кайлян пошатнулся.

Отец и сын обменялись быстрыми взглядами, после чего старик замахнулся палкой и принялся охаживать сына.

— Ах ты, паршивец! Я тебе покажу, как позорить семью!

Е Чжэнсун катался по земле, вопя во всё горло:

— Папа, я не виноват! Это всё Цзинь Лань! Я давно хотел ввести У-нян в дом, но она не давала! Папа, умоляю, пощади!

— Врёшь, собачье отродье! — Цзинь Лань едва не задохнулась от ярости. Она и представить не могла, что человек, с которым она делила ложе, окажется таким подлецом. — Ты клеветешь на меня!

Палка толщиной в детскую руку градом сыпалась на спину Е Чжэнсуна. Тот рыдал навзрыд, не выпуская руки любовницы, и его слова звучали на редкость проникновенно:

— Отец, мы с У-нян любим друг друга! Если бы не ревность Цзинь Лань, разве стал бы я прятаться?! Разве заставил бы любимую терпеть такие обиды?! Отец, я виноват, бей меня, убей, если хочешь!

Зрители, наблюдавшие за этой драмой, начали смягчаться. Услышав о «женской ревности», мешающей счастью мужчины, какой-то досужий кумуш пробормотал:

— Ну, в самом деле, это уж слишком. Мужчине иметь наложницу — дело обычное.

— И то верно. Старик, не бей его так сильно, внука в утробе пожалей.

— По мне, так надо забрать девку в дом, пусть спокойно вынашивает. А эту злыдню — развестись с ней, да и дело с концом.

— Точно... Настоящий муж всегда найдёт себе новую жену.

Е Ишу, стоявший в задних рядах, слышал каждое слово. Он закатил глаза и мысленно сплюнул. «Настоящие мужики, тоже мне! Только языками чесать и горазды».

Отец потянул его за рукав:

— Ишу, веди себя поскромнее.

Юноша вдруг улыбнулся, и всё напряжение разом покинуло его. Он присмотрелся к «экзекуции». Дед махал палкой со всей дури, но удары, приходящиеся на спину Четвёртого дяди, были подозрительно лёгкими.

«Яблоко от яблони... Один картинно бьёт, другой картинно воет. И ведь даже не репетировали, а какая слаженность!»

Е Ишу заметил, что его отец уже порывается вмешаться и разнять их. Он крепко вцепился в одежду Е Чжэнкуня и прошептал:

— Папа, присмотришь. Дед его почти не задевает.

— Четвёртый дядя — тот ещё неженка. Если он случайно рукой о стену ударится, потом три дня её баюкает. А тут его якобы палкой охаживают, а он даже не пытается увернуться.

Е Чжэнкунь пригляделся, и его лицо потемнело:

— Твой дед... он сам его таким никчёмным вырастил!

Е Ишу был с ним полностью согласен.

После сотни «ударов» настрой толпы окончательно изменился. Самые сердобольные бросились разнимать дерущихся, а кто-то помог подняться «любящей паре».

Ли Сынян, узнав о скором прибавлении, уже всю суетилась вокруг любовницы сына. «У-нян, деточка», — ворковала она, расплываясь в притворной улыбке.

Старуха даже не заметила, как женщина брезгливо поморщилась и попыталась отстраниться от её грязных рук.

Цзинь Лань сидела на земле и смотрела на это «семейное счастье». Она слизнула кровь с разбитой губы, её голова кружилась, а мысли путались. Ей отчаянно хотелось, чтобы всё это

оказалось дурным сном. Неужели её, Цзинь Лань, ждёт та же участь, что и тысячи других обманутых жён?

Она смотрела на безупречное лицо соперницы, на её искусно уложенные волосы, на шёлк, стоивший по несколько лянов за рулон... На серебряную шпильку с цветами персика в её причёске...

Она молча ждала вердикта старика.

— Цзинь Лань, у всего есть свои причины, и твоя вина здесь тоже есть... — Е Кайлян картинно вздохнул, вызывая у Ишу приступ тошноты. — Но наша семья Е не станет сводить счёты. Ты останешься нашей невесткой. Однако У-нян носит наше семя, и я не позволю своему внуку скитаться на чужбине. Она войдёт в наш дом младшей женой, а ты останешься главной.

— На этом и закончим. Спасибо всем за помощь, расходитесь, люди добрые...

— А-а-а!!! — внезапный пронзительный крик заставил всех вздрогнуть.

Любовница согнулась пополам, хватаясь за живот. Е Ишу вскинул голову и увидел, что его боевая тётушка уже сидит верхом на сопернице, нещадно раздавая ей пощёчины.

В мгновение ока холёное лицо У-нян покрылось красными полосами и начало опухать.

Е Чжэнсун, взбешённый, схватил Цзинь Лань за волосы и с силой отшвырнул её в сторону.

Он бросился к любовнице:

— У-нян, У-нян! Ты как?! Ребёнок цел?!

Е Кайлян и Ли Сынян тоже в панике уставились на плоский живот женщины:

— Скорее, скорее! Зовите лекаря!

Цзинь Лань, отлетев к порогу, ударилась виском о косяк. В глазах у неё потемнело. Она коснулась места, где муж выдрал клочок волос, и, сверкнув глазами, словно ядовитая змея, снова бросилась на Е Чжэнсуна.

«Хотите ввести её в дом? Только через мой труп!»

Е Ишу нахмурился, наблюдая за возобновившейся свалкой. Что-то во всей этой сцене казалось ему фальшивым.

Он спросил отца:

— Пап, если беременную так придавить, ей ведь должно быть очень больно?

— Ещё бы! Не просто больно — невыносимо! Когда твоя мать была тобой тяжела, она пройдёт-то всего ничего до города, и уже жалуется, что живот словно ножами режут. Я её на руках к лекарю нёс, тот сказал — ещё чуть-чуть, и мы бы тебя потеряли.

Е Ишу поджал губы:

— Маме пришлось нелегко.

— Но посмотри на эту женщину, папа. Она же совсем не изменилась в лице.

Она просто прикрыла живот ладонью и тихо всхлипывала, прислонившись к стене. Сквозь слой пудры трудно было что-то разобрать, но её поза — расслабленная, почти вальяжная — больше напоминала человека, который с миской семечек наблюдает за интересным представлением.

Е Чжэнкунь мельком взглянул на неё:

— Не знаю, сынок. Твоя мать вела себя иначе. Ей было тяжело, она не могла работать, даже расстраиваться или плакать лекарь запрещал.

Пока они обсуждали это, в толпе снова началось движение.

Четвёртый дядя, видимо, мечтал о гареме, но с его-то рожей только в зеркало на себя любоваться.

— Дорогу! А ну, расступись!

— Кто смеет обижать мою У-нян?!

— Кто тронул мою зазнобу?!

Три выкрика донеслись с разных сторон. Е Ишу и его отец одновременно переглянулись. Юноша шепнул:

— Папа, даже не думай вмешиваться.

Е Чжэнкунь засомневался:

— А если твоего дядю до смерти забьют?

— Не бойся, они только с виду грозные, убивать не станут.

Из толпы вышли трое мужчин. Двое — настоящие громилы, мускулы которых так и выпирали из-под одежды. Третий — смазливый «белоручка», одетый в такой же дорогой шёлк, как и У-нян.

Как только они окружили женщину, та издала томный стон и «лишилась чувств». По тому, как подрагивали её ресницы, Е Ишу сразу понял — притворяется.

Слишком наигранно!

В ту же секунду один из здоровяков схватил Е Чжэнсуна за грудки и приподнял над землёй. Его голос напоминал рёв разъярённого быка:

— Так это ты, щенок, притащил сюда людей, чтобы избить У-нян?!

— Ты... ты... ты кто такой?! — голос Е Чжэнсуна сорвался на писк. Вся его спесь мгновенно испарилась.

— Я? Я — законный любовник У-нян!

— Врёшь, собака! У-нян — моя содержанка! — выкрикнул щеголь в шёлке.

Третий здоровяк прорычал:

— Ах вы, паскудники! Решили опорочить имя моей жены?! Ну, я вам сейчас устрою!

У Е Кайляна отвисла челюсть.

Ли Сынян закатила глаза, чувствуя, что позор пал на их головы несмываемым пятном. Она наконец всё поняла и разразилась проклятиями:

— Ах ты, грязная потаскуха! Оказалось, ты просто уличная девка! Решила облапошить моего сына?! Вы... вы... что вы задумали?!

Но стоило одному из громил угрожающе двинуться в её сторону, как старуха мгновенно притихла.

Е Чжэнсун, осознав, в какой переплёт попал, издал бессильный вопль. Получив в суматохе крепкий удар в живот от одного из дерущихся мужчин, он, не помня себя от страха, бросился наутёк сквозь толпу.

И только Цзинь Лань хохотала. Она смеялась так громко, что из глаз катились слёзы.

Е Ишу покачал головой. Реальность оказалась похлеще любой театральной постановки. Вот только...

Он сквозь щели в толпе наблюдал за «обморочной» красавицей. Если все трое мужчин связаны с ней, и сейчас они начнут сводить счёты... А она всё ещё лежит и притворяется...

Женщина приоткрыла веко и бросила на Е Ишу быстрый, лукавый взгляд. Она даже позволила себе мимолётную усмешку.

Ишу всё понял и ответил ей такой же улыбкой.

Блестяще! Настоящая «подстава», классический развод на деньги.

Четвёртый дядя сбежал — и правильно сделал. А вот его деду и бабке, которые никак не могли выбраться из кольца разъярённых «мужей», теперь придётся несладко. Похоже, их кошельки сегодня изрядно опустеют.

Е Ишу вежливо поклонился женщине, а затем, схватив отца за руку, быстро потащил его прочь.

С такими особами лучше не связываться!

— А-Шу, А-Шу, ты куда так бежишь? Мне надо дождаться твоих деда с бабкой, — всё ещё недоумевал Е Чжэнкунь.

Е Ишу передёрнул плечами от пробежавшего по спине холодка и принялся вполголоса объяснять отцу суть дела. Лицо Е Чжэнкуня постепенно принимало выражение крайнего изумления.

— Неужто... неужто и впрямь так?

— Они просто вымогают деньги? И те люди в толпе — тоже с ними?!

Е Ишу успокаивающе похлопал отца по плечу:

— Папа, в этом мире много такого, о чём мы и не догадываемся. Пойдём скорее домой.

— Да, опасно. Очень опасно! А как же дед с бабкой?..

— Тут уж ничего не поделаешь. Это их любимый младшенький заварил кашу, им её и расхлёбывать.

Е Чжэнкунь, будучи человеком простым и бесхитростным, не сразу переварил услышанное. Даже когда они дошли до дома, он всё ещё пребывал в прострации.

Увидев жену, он тут же бросился пересказывать ей все подробности. Вскоре Ши Пулю застыла с таким же испуганным и растерянным лицом.

Е Ишу посмотрел на них, затем потрепал Доумяо по голове, видя его любопытную мордашку:

— Видишь, в городе вода глубокая, даже наши родители не сразу дно разглядели.

— Но брат, ты так и не сказал, что там случилось? — в глазах Доумяо горела жажда знаний.

Е Ишу хмыкнул:

— Спроси лучше у папы.

«Не хватало ещё ребёнка плохому научить», — подумал он.

<http://bllate.org/book/13660/1585162>